

УДК 008(476)(091)

© *Валерия Верниковская*
аспирант кафедры культурологии
Белорусского государственного
университета

© *Valeria Vernikovskaya*
Post graduate student of the Department
of cultural studies of the Belarusian
state university
e-mail: vernikovskayava@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ БЕЛОРУССКОГО ИНВАРИАНТА КУЛЬТУРЫ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

В данной статье рассмотрены основные черты белорусского инварианта культуры рубежа XIX–XX веков. Проанализированы политические и культурно-исторические реалии эпохи рубежа XIX–XX веков. Культура Беларуси этого периода рассмотрена как в национальном, так и общеевропейском контексте. Показано, что белорусская культура никогда не была изолирована от внешних мировых процессов, однако сложная политическая ситуация, проблема самоидентификации белорусов породили уникальные, отличные от европейских, формы, которые и являются белорусским инвариантом типа культуры рубежа веков.

Эпоха рубежа XIX–XX веков стала во многом переломным моментом для культуры и общества в целом. Именно в этот период на поверхность стали выходить жизненные коллизии, которые проявляли черты иллюзий, алогизмов и абсурда. «Переходность» как тип культуры во многом характеризует эпоху рубежа XIX–XX веков. В этот период начинают возникать и развиваться многие явления, которые окажут влияние на ход истории и развитие культурного процесса XX века. Появляются предпосылки для возникновения таких исторических реалий XX столетия, как Первая и Вторая мировые войны, фашизм, коммунизм. Многие политические, социальные и экономические конфликты начинают складываться именно на рубеже веков. Тогда же постепенно формируются элементы такого явления искусства XX века, как модернизм, и его отдельных течений — сюрреализма, экспрессионизма, футуризма и др.

Парадоксальность бурного историко-культурного развития эпохи рубежа веков заключается в том, что оно происходило параллельно с мно-

гочисленными политическими, социальными и экономическими конфликтами, а нередко было и взаимосвязано с ними. Искусство и наука не смогли оказать позитивного влияния на западноевропейскую цивилизацию, удержать общество от катастрофы. Более того, технический прогресс способствовал нарастанию напряженности между конкурирующими странами.

Под влиянием социально-исторических процессов в европейском обществе рубежа XIX–XX веков складывается особого рода духовная атмосфера, которую принято обозначать термином «синдром конца века», или *findesiècle* (фр.). Это мироощущение характеризуется чувством неуверенности в будущем, ощущением тревоги, предчувствием грядущей катастрофы.

Постоянная взрывоопасная ситуация в мире провоцировала масштабное беспокойство, предчувствие катастрофы, громадных социальных потрясений. Не случайно современники называли последнюю треть XIX столетия эпохой упадка западной цивилизации, «закатом Европы». Часто говорилось о смертельной усталости от жизни и о бесполезности всякой деятельности.

Белорусский ученый В. Конон, констатируя свойственный рубежу XIX–XX вв. «кризис традиционных ценностей — генетически связанных с христианством и ренессансным гуманизмом представлений о добре и красоте как гармонии материальных и духовных сторон жизни, как единстве личности и общества, художника и народа», совершенно справедливо говорит о характерной для декадентов «концепции абсолютной автономности и самооценности искусства» [1].

Судьба Беларуси в этот период довольно примечательна. Присоединение к Российской империи поначалу не получило широкого резонанса как в массах, так и в творчестве деятелей культуры нашей страны, однако, начиная с 40-х гг. XIX века, когда Российская империя начинает проводить более массовую и ожесточенную политику русификации, чем раньше, дух народа, его культура начинают обретать форму бунтарства. Присоединение Беларуси к Российской империи после разделов Речи Посполитой не оправдало надежд на становление и развитие белорусской культуры. Именно в таком настроении Беларусь и входит в «эпоху рубежа веков», или «эпоху декаданса», как именуют ее некоторые исследователи.

Беларусь никогда не была в стороне от общеевропейских культурно-исторических процессов. Однако следует отметить, что тип культуры рубежа веков в Беларуси, складываясь параллельно с общим мироощущением кризиса бытия, получил несколько иной, отличный от европейского, окрас. Примечательно, что именно в эпоху *findesiècle*, когда наблюдается мировоззренческий сдвиг, ощущение конца и упадка, в Беларуси наблюдается небывалый подъем национального духа, апология национальной идеи

и белорусского языка, борьба за гражданские свободы. Огромный интерес проявляется к истории и самобытности родной страны, к национальной самоидентификации белорусского народа.

Этот феномен получил название «белорусское национальное возрождение» и сыграл определяющую роль в формировании белорусского «типа культуры рубежа веков». Философской базой европейского «типа культуры рубежа веков» стали идеи А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, учение З. Фрейда и К. Г. Юнга. Философия конца, «заката Европы», идеи кончины «старого Бога» и возможного торжества сверхчеловека послужили субстратом для формирования так называемого переходного типа культуры, или «типа культуры рубежа веков». Идеи европейских философов проникали и на территорию Беларуси, однако сложно утверждать о прямом влиянии тех или иных идей философии Ф. Ницше или А. Шопенгауэра на развитие философской мысли Беларуси на рубеже XIX–XX веков.

Основной философской базой белорусского национального возрождения стали в первую очередь труды И. Абдираловича, В. Самойлы, В. Ластовского и А. Цвикевича. Философские взгляды И. Абдираловича представлены в его работе «Адвечным шляхам», в которой он обращает внимание на географическое, историко-культурное и «настроенческое» положение Беларуси — между Востоком и Западом. Он подчеркивает переходность, нестабильность положения, что в целом находит отражение в духе времени. Абдиралович рассматривает жизнь и творчество как вечный процесс, участвуя в котором Беларусь в своем «ваганні паміж Захадам і Усходам» обретает свою культурную неповторимость. Абдиралович пишет: «Жыцьцё вечна імкне, ліецца, цячэ. Вечны творчы працэс ад неразумнага да разумнага і ніколішняе недасягненне да апошняга — вось істота жыцьцёвага працэсу» [2, с. 39]. Сходные мысли встречаются и в «философии жизни» Ф. Ницше, когда он высказывает мысль о том, что лишь стремление, «домогание» чего-либо есть счастье и только в стремлении может родиться истинная культура, истинное творчество.

Свое философское обоснование белорусского национального возрождения предлагает и В. Самойла, однако несколько в ином ключе. В своей работе «Сим победиши!...» философ говорит о новой религии — «живом христианстве», о «разумной энергии», которой наделен каждый белорус и которая помогает ему бороться со злом. Здесь неправомерно говорить о полном и безоговорочном влиянии других концепций, однако здесь сложно не усмотреть влияния идей Ф. Ницше и учения о Живой Этике Н. К. Рериха. Стоит заметить, что эти идеи и концепции не выросли одна из другой, а скорее, развивались параллельно в соответствии с духом своего времени.

Философская база и идеи белорусского национального возрождения нашли свое отражение в литературе. Белорусское национальное возрождение прежде всего связано с деятельностью поэтов и литераторов «нашаніўскага круга», таких как Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович, В. Ластовский, К. Каганец, М. Горецкий и др.

Выдающийся белорусский поэт, публицист, переводчик Максим Адамович Богданович (1891–1917) прожил свою недолгую жизнь именно в период рубежа веков. Он был одним из тех, кто наиболее полно воплотил в своем творчестве «тип культуры рубежа веков», поэтику «переходного времени». Творчество М. Богдановича пронизано духом декадентства. В его произведениях причудливым образом сочетаются символистская и импрессионистская доминанты, ощущения уязвимости и хрупкости бытия. Е. А. Леонова пишет: «Никогда ранее не были столь привлекательными для художественного слова феномены красоты и одновременно упадка, смерти; красоты в парадоксальном соединении со смертью, даже красоты смерти, искушения смертью, ее болезненного притяжения. У многих, в том числе русских и белорусских поэтов, прозвучат мотивы угасания, увядания. Белорусский поэт Максим Богданович назовет один из поэтических циклов своего сборника «Венок» «Любовь и смерть», а в качестве эпиграфа к одному из стихотворений использует строки А. Пушкина: «Цветы последние милей / Роскошных первенцев полей», но его собственная образность неизмеримо трагичней, а драма природы и драма человеческой жизни подчеркнута слиты» [1, с. 221]. У белорусского поэта М. Богдановича есть немало стихотворений, пронизанных безграничной тоской и болью, они создавались для того, чтобы исцелить человека через правду о нем самом, о времени и мире, какой бы неприглядной эта правда ни была.

В упомянутом ранее поэтическом цикле «Любовь и смерть» наиболее ярко воплотились идеи и образы декаданса. Здесь соединены мифологические образы Эроса и Танатоса, противопоставление любви и красоты трагическому образу смерти. Еще одной жемчужиной интимной лирики Богдановича является стихотворение «Зорка Венера»: «Зорка Венера ўзышла над зямлёю, // Светлыя згадкі з сабой прывяла...// Помніш, калі я спаткаўся з табою, // Зорка Венера ўзышла». В образе богини любви Венеры представлен собирательный образ женственности, душевной чистоты и красоты. Подобный идеал встречается и в цикле стихотворений «Мадонны».

Декадентские мотивы и ощущение переходности, надломленности бытия также проявляются в творчестве В. Дубовки, Язэпа Пуци, Т. Кляшторного. В цикле стихотворений «Наля» В. Дубовки очень четко прослеживается влияние европейского декаданса. Новаторские ассонансные рифмы, словотворчество, запутанные смысловые переходы и особое

трагическое настроение поэтического слога заставляют читателей ощущать напряженную и подчас пессимистическую работу мысли поэта. Наиболее ярко новаторство В. Дубовки воплотилось в цикле стихотворений «Наля»: здесь и эксперименты со строфикой и ритмикой, суггестивность, и другие новаторские приемы, свойственные общеевропейской поэтической парадигме:

Імжа,
і склізота,
і прыкляя золь:
нязнанае
стала знаёмым.
Квяцістасць,
барвовасць
сьцюдзёнай расой
няхай разьліецца
на стромы [3, с. 57].

«Адмысловая словатворчасть Дубоўкі, яго смелыя эксперыменты з рыфмай, строфікай праходзілі менавіта ў рэчышчы агульнаеўрапейскага эстэтычнага працэсу, у якім гучна і трыумфальна сцвярджаў сябе ўжо некалькі стагоддзяў авангард <...> Вынаходніцтвы Дубоўкі былі арганічнымі ў рэчышчы нацыянальнай традыцыі, яны не разбуралі структуру верша цалкам, але таксама мадэлявалі для беларускага верша новую эстэтычную прастору» [4, с. 11].

Безусловно, такие литературные течения, как декаданс, символизм, футуризм и авангард, появились в литературе Беларуси не без влияния Западной Европы и России, однако в Беларуси им был придан несколько иной смысл. Декадентские мотивы болезни, упадка сознания и культуры присутствуют лишь в некотором смысле. Примечательно новая трактовка декадентских образов встречается в белорусской поэзии. Один из самых примечательных образов — образ умирающей женщины, который часто встречается у М. Богдановича и Я. Купалы. Смерть возлюбленной, жены, матери ассоциируется у поэтов с Родиной. Известный белорусский литературовед, писатель, критик П. Васюченко в своем докладе отмечает: «Няспынная трывога за жыццё жанчыны-Беларусі не пакідае твораў. Смерць Жанчыны магла ўявіцца ім як найбольш змрочны, кашмарны прагноз — і ён спраўджваецца ў самым безнадзейна-апакаліптычным вершы Купалы “Гэй, капайце, далаконы...”» [5, с. 9].

Это один из многих примеров особой тяги белорусских поэтов к символизации базовых образов, к приданию особого смысла общемировым архетипам. Примечательно, что наравне с символами смерти, страха, плача, «расстроеной свадьбы» (П. Васюченко), которые встречаются до-

вольно часто в белорусской поэзии периода рубежа XIX–XX веков и характерны для общеевропейского «типа культуры “рубежа веков”», в белорусской культуре этим образам придается значение полного упадка и безысходности. Наравне с этими декадентскими символами мы видим радость и восторженность, как радуется человек, находящийся на пороге чего-то абсолютно нового.

Таким образом, можно говорить о том, что белорусский «тип культуры “рубежа веков”» развивался в соответствии с общеевропейским. Белорусская культура была вовлечена в мировой культурный процесс не менее, чем иная европейская культура. Однако в белорусском культуротворчестве, в отличие от европейского, мы не находим тотального упадка и пессимизма, ощущения краха культуры, государства и личности, стремления к утонченной рафинированности, мистицизму. Главной чертой белорусского инварианта «типа культуры “рубежа веков”» может быть само понимание этого «рубежа», сдвига в мировоззрении как отдельных личностей, так и всего общества в целом. «Упадок» или декаданс в Беларуси связан с крахом надежд, которые возлагали белорусы на присоединение к Российской империи, на политику русификации, то есть с внешними политическими причинами. Если Ф. Ницше видел выход из этого упадка в господстве сверхчеловека, то белорусские мыслители видели его в обретении взаимопонимания со своей Родиной, историей, духовной памятью своего народа.

Список основных источников

1. Леонова, Е. А. Немецкая литература XX века. Германия, Австрия : учеб. пособие / Е. А. Леонова. — М. : Флинта : Наука, 2010. — 353 с.
2. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам: дасьледзіны беларускага сьветагляду / І. Абдзіраловіч. — Мінск : Навука і тэхніка, 1993. — 44 с.
3. Дубоўка, У. М. Наля : вершы / У. М. Дубоўка. — Мінск : Цэнтр. выд-ва народаў СССР, 1927. — 72 с.
4. Багдановіч, І. Э. Беларуская літаратура і еўрапейскі дэкаданс / І. Э. Багдановіч // Літаратуразнаўства. Этналогія : матэрыялы IV міжнар. кангр. беларусістаў «Беларуская культура ў кантэксце культур еўрапейскіх краін», Мінск, 6–9 чэрв. 2005 г. / Міжнар. асац. беларусістаў ; пад рэд. І. Багдановіч, Т. Валодзінай. — Мінск, 2010. — С. 5–12.
5. Васючэнка, П. В. Славянскі сімвалізм: нацыянальна-адметнае і агульнае : даклад / П. В. Васючэнка. — Мінск : Мінскі дзярж. лінгвіст. ун-т, 1998. — 18 с.

Basic features of Belarusian invariant of the late 19th — early 20th century culture

This article provides an analysis of main features of Belarusian invariant of the late 19th — early 20th century culture. Due to ethnic and cultural diversity, Belarus ab-

sorbed different features of other European countries and created its own cultural invariant. The uniqueness of the cultural situation in Belarus is regarded to such phenomenon as Belarusian National Renaissance, which raised questions about national language, culture and identity of Belarusian nation. Belarusian National Renaissance declared spiritual and intellectual tolerance and importance of national cultural heritage. Influenced and inspired by European decadent figures Belarusian culture embodied its world perception, symbolism and desire to abstract life and escape the horrific possibilities of the human condition, but created a national way of «sunset of the century». Throughout mentioned period Belarus has embraced a variety of ideas and has provided rarely matched example of national renaissance and difficult political and economical situation in the country.